

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1:796.01

А. С. Силаев

«ПОЗИТИВНАЯ ЭСТЕТИКА» И ЕЕ УРОКИ (ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XX ВЕКА)

О. С. СИЛАЄВ. «ПОЗИТИВНА ЕСТЕТИКА» ТА ЇЇ УРОКИ (З ІСТОРІЇ ЛІТЕРАТУРНО-ЕСТЕТИЧНОЇ ДУМКИ ХХ СТОЛІТТЯ).

У статті автор актуалізує історичні відомості і новітній науковий дискурс про одне з естетичних вчень початку ХХ століття – так звану «позитивну естетику». Є всі підстави вважати, що в роботі А. В. Луначарського «Основи позитивної естетики» (1904) були вперше с и с т е м а т и ч н о викладені основи більшовицької (соцреалістичної) естетики. Жорстка установка на оціночно-нормативний характер естетики, культ надлюдини і разом з тим апологетика крайнього колективізму, антигуманність – усе в «позитивній естетиці» Луначарського спрямовано до духу і букви прийдешнього соціалістичного реалізму.

Ключові слова: естетична думка ХХ ст., «позитивна естетика», А. В. Луначарський, соціалістичний реалізм.

А. С. СИЛАЕВ. «ПОЗИТИВНАЯ ЭСТЕТИКА» И ЕЕ УРОКИ (ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XX ВЕКА).

В статье автор актуализирует исторические сведения и новейший научный дискурс об одном из эстетических учений начала ХХ века – так называемой «позитивной эстетике». Есть все основания считать, что в работе А. В. Луначарского «Основы позитивной эстетики» (1904) были впервые с и с т е м а т и ч е с к и изложены основы большевистской (соцреалистической) эстетики. Жесткая установка на оценочно-нормативный характер эстетики, культ сверхчеловека и вместе с тем апологетика крайнего коллективизма, антигуманность – все в позитивной эстетике Луначарского устремлено к духу и букве грядущего социалистического реализма.

Ключевые слова: эстетическая мысль ХХ ст., «позитивная эстетика», А. В. Луначарский, социалистический реализм.

A. S. SYLAYEV. "POSITIVE AESTHETICS" AND HER LESSONS (FROM HISTORY OF LITERARY-AESTHETICS IDEA OF XXTH CENTURY).

In the article a question about genesis of sotsrealizm (totalitarian) aesthetics, becoming methodological basis of all subsequent soviet culture and literature during more than seventy years are raised. An author analyses historical and the newest scientific information about the one of aesthetic doctrine of beginning of XXth century – so-called "positive aesthetics". There are all reasons to consider that in the work of A.V.Lunacharsky "The basis of positive aesthetics" (1904) the bases of bolshevist aesthetics were s y s t e m a t i c stated for the first time. To the article eloquent quotations are driven from this work, in particular, such as: "Often necessary to sacrifice less beauty in a present for greater beauty in the future"; A "conscience is something alien personalities, as she does not coincide with her natural desires and categorically conflicts with them" and others. Hard setting on evaluation-normative character of aesthetics, cult of superman, apologetics of extreme collectivism with the almost complete denial of human individuality, criticism of classic "artistic realism" and propaganda of the new, so-called "idealistic realism", inhumanity – all of that is directed to the future socialistic realism in positive aesthetics of Lunacharsky.

© А.С. Силаев, 2017

<https://doi.org/10.5281/zenodo.1036280>

Not by chance with a lecture "About socialistic realism" on the second plenum of organizational committee of Union of writers of the USSR made a speech exactly Lunacharsky. A lecture of Lunacharsky was, firstly, "wholly prepared and carefully thought out by it and belongs to only it one", and secondly (and this circumstance full deep value!) – got a "very high estimation" from the Stalin, as party functioner from literature I. Groncky testified. And in this sense actual role of Lunacharsky in the ground of theory, methodology and morally-ethic bases of sotsrealizm obviously underestimated.

Key words: aesthetics idea of XXth century, "positive aesthetics", A. Lunacharsky, socialistic realism.

1930-е годы вошли в историю Страны Советов как период торжества «абсолютных истин», а точнее – абсолютных догм во всех сферах жизни, в том числе в эстетике и литературоведении. Подобное было неизбежно: абсолютная власть тирана требовала утверждения таких же абсолютных критериев и истин, в противном случае казарменный социализм был бы невозможен. Чрезвычайно показательным и глубоко закономерным представляется тот факт, что в последние два десятилетия сталинского правления съезд писателей не собирался уже больше ни разу. В нем не было никакой нужды. Все проблемы, которые необходимо было решить Сталину в такой специфической сфере «духовного производства», как литература, были решены им одним волевым усилием в 1934 году, когда на вольную писательскую братию была накинута надежная организационная и идейно-творческая узда в виде единого писательского союза и единого же творческого метода, что по существу означало государственную монополизацию (огосударствление) литературы.

Целью данной статьи является освещение вопроса о генезисе соцреалистической эстетической доктрины, ставшей методологической основой всей последующей советской культуры и литературы. Автор актуализирует исторические сведения и новейший научный дискурс об одном из эстетических учений начала XX века – так называемой «позитивной эстетике» и роли А. В. Луначарского в обосновании теории, методологии и нравственно-этических основ советской тоталитарной культуры.

«Сталин не был теоретиком (особенно в эстетике), – справедливо замечает публицист А. Гангнус, – он находил нужные ему соображения и доводы у других» [3, с. 160]. Среди этих «других» А. Гангнус резонно ставит на первое место так называемую «богдановщину», эстетическую доктрину которой еще в 1904 году представил на суд современников А. Луначарский, опубликовавший свои «Основы позитивной эстетики» [8]. Вряд ли есть необходимость подробно анализировать здесь этот труд: глубокий и в целом верный его анализ был дан некогда в статье «На руинах позитивной эстетики...» упомянутого выше автора. В ней он весьма точно атрибутирует и концептуальные составляющие, и сверхзадачу этой эстетики, выводящие ее далеко за пределы собственно культурно-эстетических категорий и превращающие в некую «универсальную религию утопического социализма». При этом А. Гангнус приходит к принципиально важному выводу о глубоком внутреннем родстве этико-эстетических принципов «позитивной эстетики» Луначарского с нравственными и эстетическими канонами сталинизма. «Есть все основания считать ее (позитивную эстетику. – А. С.), – пишет он, – и предвестником богостроительства, и первым (самым честным и точным) наброском ведущего метода социалистической культуры. Социалистический реализм – это не эстетика и не творческий метод; это в конечном счете замаскированная религия, без которой не могла обойтись задуманная Сталиным империя казарменного социализма» [3, с. 148–149].

Приведем здесь лишь несколько красноречивых цитат из «Основ позитивной эстетики», благодаря которым генезис эстетики сталинизма с ее венцом – учением о социалистическом реализме – становится особенно очевидным:

«Эстетика есть наука об оценках <...> Способность строго различать точки зрения есть важная эстетическая способность»;

«Единство во многообразии есть почти необходимый принцип эстетического <...> В величественном единстве преобладает, иногда исключая многообразие»;

«Часто надо жертвовать меньшею красотой в настоящем для большей красоты в будущем»;

«...ни к чему смешивать общественной демократии с вырождающимися, несчастными, уродливыми и слабыми. В соответствии с моралью и религией слабых развивается и их эстетика <...> Эстетика эта отворяет двери антиэстетическому, опираясь на чувство сострадания, на жажду искупления и т.п.»;

«Когда видовой инстинкт сольется с личным, когда личность будет ценить себя как момент в великой жизни вида, – тогда неразумное делается разумным <...> И от того, что человек будет относиться к сверхличному идеалу как к чему-то высшему, чем его индивидуальная жизнь, эта жизнь не станет беднее <...> Индивидуалистический разум должен быть превзойден»;

«Совесть есть нечто чуждое личности, поскольку она не совпадает с ее естественными желаниями и категорически противоречит им»;

«Основой его (художественного реализма. – А. С.) является по преимуществу типичность, и его значение, главным образом, познавательное... Если в нем нет черт романтического отрицания действительности, то он характеризует собой застой, самодовольство, свойственные таким принципиально ограниченными классам, как практическая буржуазия»;

«...развивать чувство трагического (в другом месте: «Приучать человека спокойно относиться к трагическому». – А. С.),¹ радость борьбы и побед, прометеевских стремлений, упорной гордости, непримиримого мужества, объединять сердца в общем чувстве порыва к сверхчеловеку – вот задача художника» [8, сс. 51, 88, 77, 57, 74, 54–57, 56, 94, 99].

Как видим, жесткая установка на оценочно-нормативный характер эстетики, культ сверхчеловека и вместе с тем апологетика крайнего коллективизма с почти полным отрицанием человеческой индивидуальности, критика классического «художественного реализма» и пропаганда нового, так называемого «идеалистического реализма», всецело устремленного не к реальному человеку, а к умозрительному сверхличному идеалу, антигуманность – все в позитивной эстетике Луначарского устремлено к духу и букве грядущего социалистического реализма. Таким образом, есть все основания считать, что именно здесь, в «Основах позитивной эстетики», были впервые систематически изложены основы большевистской (соцреалистической) эстетики. И в этом смысле действительная роль Луначарского в обосновании теории, методологии и нравственно-этических основ соцреализма явно недооценена.

Не случайно, конечно, с докладом «О социалистическом реализме» на втором пленуме оргкомитета Союза писателей СССР выступил именно Луначарский, причем, как свидетельствовал партийный функционер от литературы И. Гронский, доклад Луначарского был, во-первых, «целиком подготовлен и продуман им самим и принадлежит только ему одному и никому больше», а во-вторых (и это обстоятельство полно глубинного значения!), – получил со стороны Сталина «очень высокую оценку» [5, с. 151–152].

Малоубедительными (либо заведомо лукавыми) выглядят в этой связи попытки некоторых исследователей дезавуировать серьезные обвинения в адрес Луначарского-теоретика на том основании, что речь-де идет о ранних работах молодого Луначарского, от многих ошибочных («немарксистских») положений которых он впоследствии якобы целиком отказался. Так, обвиняя А. Гангнуса в «безответственности суждений» и «безапелляционности оценок», Н. Трифонов и В. Ефимов, демонстрируя завидную осведомленность в теоретическом наследии Луначарского [10], почему-то проходят мимо того принципиального факта, что «Основы позитивной эстетики», действительно одна из ранних работ молодого Луначарского, была переиздана автором в 1923 году, то есть спустя два десятилетия после первой публикации,

¹Сам Луначарский, надо полагать, последовательно руководствовался данным принципом позитивной эстетики. О своеобразном восприятии им трагического свидетельствует одна из дневниковых записей К. И. Чуковского, в которой последний приводит слова М. Горького о том, как «смешно Луначарский рассказывал, как в Москве мальчики товарища съели, зарезали и съели». Приведа еще один, не менее впечатляющий эпизод о характере смеха представителей высшего эшелона большевистского руководства, А. Спаль приходит к справедливому выводу: «Луначарский не исключителен... Это смеются сверхчеловеки, превозмогшие в себе все человеческое» [11, с. 195].

фактически без каких-либо изменений.² Более того, в одном из примечаний 1923 года Луначарский счел необходимым особо отметить: «В силу этих мыслей, которые автор выразил 20 лет тому назад, он и оказался большевиком теперь», – подчеркнув тем самым, что ни в чем не отступил от своих прежних воззрений. Полно внутреннего смысла и то обстоятельство, что один из экземпляров «Основ позитивной эстетики» 1923 года издания Луначарский подарил Ленину с дарственной надписью.

И все же как минимум по двум пунктам мы не можем согласиться с концепцией А. Гангнуса.

Во-первых, действительно ли имела место та «сокрушительная критика», которой была подвергнута «позитивная эстетика» не только со стороны Плеханова, но и, как утверждает А. Гангнус, со стороны Ленина? Да, Ленин резко осудил философско-идеологическую суть «богдановщины» как утопический идеализм, не имеющий ничего общего с марксизмом. Однако к эстетической части учения «махистов-богостроителей» Ленин отнесся вполне терпимо, хотя, конечно, о характере этой терпимости можно высказывать различные предположения. И все же именно о благожелательном отношении Ленина к эстетическим воззрениям Луначарского свидетельствует его письмо к М. Горькому (февраль 1913 года), в котором он, признавая «безнадежность» Богданова и Луначарского как махистов-философов, все же не исключает последней и единственной возможности: «Ежели бы Луначарского <...> отделить от Богданова на эстетике...» [6, с. 354]. О благожелательности в оценке Лениным самих «Основ позитивной эстетики» косвенно свидетельствует и надпись Луначарского на дарственном экземпляре книги: «Дорогому Владимиру Ильичу работа, которую он, кажется, когда-то одобрял, с глубокой любовью А. Луначарский. 10.III.1923» [8, с. 41]. Откуда же появилась версия о «сокрушительной критике» Лениным позитивной эстетики Луначарского? Очевидно, из тенденциозного стремления А. Гангнуса целиком отделить Ленина и так называемый «марксистский большевизм» от антигуманной эстетики «религиозного большевизма» Горького и Луначарского, что, как видим, не находит подтверждения фактами.³

Во-вторых, возникает и такой вопрос: не сужает ли публицист проблему, сводя генезис соцреалистической (сталинской) эстетики лишь к одному источнику и одному составляющему, а именно: к позитивной эстетике Луначарского? Нам видится здесь несомненная переоценка субъективного фактора при явной недооценке фактора объективного. Драматизм исторической ситуации в России на рубеже двух веков в том и состоял, что, как об этом свидетельствует, например, Н. Бердяев, «либеральные идеи, идеи права, как и идеи социального реформизма, оказались в России утопическими. Большевизм же оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году <...>. Это было определено всем ходом русской истории, но также и слабостью у нас творческих духовных сил. Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа» [1, с. 93].

В противовес А. Гангнусу Е. Добренко склонен абсолютизировать противоположный, объективный, фактор, что и его в конечном итоге приводит к односторонне-фаталистическому взгляду на процесс формирования российской культуры конца XIX – начала XX вв. «По разлитому Аннушкой маслу, – пишет он, – культура съезжала прямо на соцреалистические рельсы» [4, с. 236]. С подобным утверждением вряд ли можно целиком согласиться. Не случайно именно по данному пункту историко-литературной концепции Е. Добренко в «сочувственную» полемику с ним вступил литературовед В. Перцовский, указавший на то принципиальное обстоятельство, что «линия большой русской литературы, не обрываясь,

² Не забытым оказался труд Луначарского и в современной России. В 2011 году «Основы позитивной эстетики» были переизданы в составе сборника избранных работ автора в серии «Из наследия мировой философской мысли» [9].

³ Ставя рядом имена Горького и Луначарского в связи с проблемой «богоискательства», нелишним будет напомнить здесь меткое высказывание А. Блока: «Если в выводах своих (имеется в виду повесть М. Горького «Исповедь». – А. С.) Горький соприкасается с Луначарским, то в своих подходах к делу, в размахе души, в бессознательном – он бесконечно дальше и выше Луначарского. Горький – русский художник, и Луначарский – теоретик социал-демократии – несоизмеримые величины» [2, с. 106].

прошла сквозь все ужасы тоталитаризма» и «советская литература никогда не стала до конца тем, чем ее хотел сделать Сталин, – послушным придатком тоталитарного государства» [10, с. 216].

Не вдаваясь в детали двух различных подходов, скажем лишь, что крайние точки зрения, как известно, всегда в наибольшей степени грешат против истины, ибо они более всего упрощают, огрубляют, тенденциозно выпрямляют эту истину. А она – и это тоже хорошо известно, – как правило, оказывается сложнее, многограннее, богаче крайних представлений о ней; она всегда стремится к некоей уравнивающей середине, ибо сама по себе истина относительна, абсолютно лишь наше стремление к ней. Вот почему мы склонны искать решение проблемы генезиса соцреалистической эстетической доктрины на пути синтеза двух различных подходов. В этой связи нам представляется – и это хотелось бы подчеркнуть, – что объективные революционные тенденции, в которых на достаточно ранних этапах доминирующую роль стали играть леворадикальные общественные силы и настроения, раньше других смог почувствовать, теоретически осмыслить и систематически изложить применительно к этико-эстетической сфере А. Луначарский – представитель левореволюционного «крыла» русского большевизма. «Детскую болезнь “левизны” в коммунизме» Ленину так и не удалось излечить своевременно и радикально, в результате чего она превратилась в стойкий хронический недуг, предопределивший всю дальнейшую судьбу русского коммунизма. Торжество сталинизма в конце 1920-х – начале 1930-х годов и было не чем иным, как запоздалым торжеством леворадикальных сил русского большевизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Москва, 1990. 224 с.
2. Блок А. Очерки. Статьи. Речи. 1905–1921 // Собр. соч.: В 6-ти т. Т.4. Ленинград. 1982.
3. Гангнус А. На руинах «позитивной эстетики»: Из истории одного термина // Новый мир. 1988. № 12. С. 147–163.
4. Добренко Е.левой!левой!левой!...: Метаморфозы революционной культуры // Новый мир. 1992. № 3. С. 228–240.
5. К истории партийной политики в области литературы. (Переписка И. Гронского и А. Овчаренко) // Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 143–166.
6. Ленин (Ульянов) В. О литературе и искусстве. Москва. 1967. 821 с.
7. Лифшиц М. «Позитивная эстетика» А. В. Луначарского // Лифшиц М. Собр. соч. в 3-х т. Т. 3. Москва. 1988. С. 213–228.
8. Луначарский А. Собр. соч. в 8-ми т. Т. 7. Москва. 1966–1967.
9. Луначарский А. В. Основы позитивной эстетики. (Из наследия мировой философской мысли. Эстетика). Москва. 2011. 192 с.
10. Перцовский В. Сквозь революцию как состояние души // Новый мир. 1992. № 3. С. 215–240.
11. Спаль А. Гении и гулливеры // Новый мир. 1992. № 5. С. 191–205.
12. Трифонов Н., Ефимов В. Надо ли «сечь» Луначарского? // Вопросы литературы. 1991. № 1. С. 226–240.

(Статья поступила в редакцию 14 сентября 2017 г.)